

Садченко Валентина Тарасовна

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ АДЪЕКТИВНЫХ СУФФИКСОВ В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИАМУРЬЯ

В статье рассматриваются адъективные суффиксы русского языка с точки зрения их продуктивности. Выделены и описаны модели имен прилагательных с суффиксом -ист- на практически не изученном в словообразовательном аспекте диалектном материале – русских говорах Приамурья. Отмечается повышенная словообразовательная активность указанного суффикса в говорах по сравнению с литературным языком.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/3-1/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 156-159. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'366; 81'28

Филологические науки

В статье рассматриваются адъективные суффиксы русского языка с точки зрения их продуктивности. Выделены и описаны модели имен прилагательных с суффиксом -ист- на практически не изученном в словообразовательном аспекте диалектном материале – русских говорах Приамурья. Отмечается повышенная словообразовательная активность указанного суффикса в говорах по сравнению с литературным языком.

Ключевые слова и фразы: адъективные дериваты; продуктивность; словообразовательная модель; суффиксы имен прилагательных; десемантизация; русские говоры.

Садченко Валентина Тарасовна, д. филол. н., доцент
Дальневосточный государственный гуманитарный университет
valentinasadchenko@yandex.ru

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ АДЪЕКТИВНЫХ СУФФИКСОВ В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИАМУРЬЯ[©]

В современном словообразовании достаточно актуальной является проблема продуктивности. Понятие продуктивности используется как применительно к комплексным единицам – словообразовательный тип, словообразовательная модель, – так и применительно к отдельным аффиксам, в частности к словообразующим суффиксам. Под продуктивностью понимается способность аффикса активно участвовать в образовании новых единиц.

Русские говоры Приамурья относятся к переселенческим говорам вторичного образования; словообразовательные средства данной группы говоров практически не изучались: выявлены некоторые особенности семантики и функций аффиксов на материале глагола и субстантива [8, с. 54], система и словообразовательная активность адъективных аффиксов не исследованы. В то же время, несмотря на изменения, которые претерпевают русские диалекты в современный период и в связи с этим на некоторую относительность понятия «продуктивность» применительно к типам словообразования, функционирующим в тех или иных говорах, изучение словообразовательных ресурсов различных диалектных групп может внести определенный вклад в изучение и развитие региональной лингвистики.

Материал показал, что наиболее частотным при образовании имен прилагательных в русских говорах Приамурья является суффикс **-ист-** (даже по сравнению с дериватами с суффиксом **-н-**) [10]. По самым примерным подсчетам, прилагательных с суффиксом **-ист-** от общего количества прилагательных, зафиксированных в Словаре русских говоров Приамурья [12], примерно 15%. О. И. Блинова на материале среднеобских говоров также отмечено достаточно широкое использование суффикса **-ист-**, а именно его чередование с рядом других суффиксов имен прилагательных, что приводит к расширению круга лексико-морфологических вариантов прилагательных суффиксального типа. Однако О. И. Блинова не относит данный суффикс к наиболее частотным [1]. По наблюдениям И. И. Быковой, в говорах Камчатской области прилагательные с суффиксом **-ист-** вообще немногочисленны [2, с. 11]. В. В. Виноградов, обращаясь к литературному языку, назвал суффикс **-ист-** «живым и очень продуктивным», а также свободным от «оттенка просторечной фамильярности» и «некоторого пренебрежения», который характерен, например, для суффикса **-аст-** [3, с. 176].

Изучение языковых фактов, извлеченных из Словаря, позволило выделить следующие модели имен прилагательных с суффиксом **-ист-** в диалектной подсистеме русских говоров Приамурья:

1. В классе отыменных прилагательных

Мод. 1. Основа диалектного существительного + суффикс **-ист-**: *брунистый* ← *брунь*, *болонистый* ← *болонь*, *еланистый* ← *елань*, *кривунистый* ← *кривун*, *сувалистый* ← *суваль*, *трундистый* ← *трунда*, *кремлистый* ← *кремль*, *замазулистый* ← *замазуля*.

Мод. 2. Основа существительного, характерного для литературного языка, + суффикс **-ист-**: *глыбистый* ← *глыба*, *годистый* ← *год*, *запашистый* ← *запах*, *коренистый* ← *корень*, *рогулистый* ← *рогуля*; *шелухистый* ← *шелуха*.

Мод. 3. Усеченная основа существительного + суффикс **-ист-**: *мохаристый* ← *мохарник*.

Мод. 4. Основа существительного с наращением + суффикс **-ист-**: *серенистый* ← *сера*.

Мод. 5. Основа существительного + приставка **под-** + суффикс **-ист-**: *подмаристый* ← *марь*.

Мод. 6. Основа существительного + приставка **про-** + суффикс **-ист-**: *продлинистый* ← *длина*.

Мод. 7. Основа существительного + приставка **за-** + суффикс **-ист-**: *закомлистый* ← *комель*.

Мод. 8. Усеченная основа прилагательного + суффикс **-ист-**: *ловистый* ← *ловкий*; *мясنيстый* ← *мясной*.

Таким образом, образование отыменных прилагательных с суффиксом **-ист-** обнаруживает большее разнообразие моделей, чем в литературном языке, где префиксально-суффиксальные дериваты (мод. 5, 6, 7) не отмечаются. Факт единичности примеров, соответствующих данным моделям в материалах Словаря, не снижает значимости их выделения, т.к. ареал распространения данных языковых единиц достаточно широк:

словарные статьи фиксируют использование данных дериватов респондентами ряда сел Свободненского, Благовещенского и Сковороднинского районов Амурской области; кроме того, прилагательное *закомлительный* зафиксировано также в картотеке Г. С. Новикова-Даурского [11].

При образовании имен прилагательных в говорах отмечены в целом те же морфонологические чередования и преобразования производящей основы, что и в литературном языке: парно-твердые согласные чередуются перед суффиксом *-ист-* с мягкими, заднеязычные – с шипящими, например: *кривун* → *кривунистый*, *запах* → *запаишный*; в ряде случаев чередование отсутствует: *шелуха* → *шелунистый*.

Все отыменные прилагательные с суффиксом *-ист-* имеют в данной группе говоров значение, характерное и для подобных прилагательных литературного языка:

1) «характеризующийся отношением к тому, что названо мотивирующим словом»: *трунистый* (параллельно в словаре зафиксировано прилагательное *труновый* с тождественным значением по сравнению с *трунистый*, с тем же контекстом и с тем же ареалом распространения (относящийся к трунде): *Трунда – это как мох. Станешь, и нога проваливается, целые кочки трунистые были, топили ими, как торфом* (Поярк. Мих.). Амур. (Мих.). *Трунистые земли плодородны, их и разбрасывают* (Алб. Скв.). Амур. (Скв.) [12, с. 459];

2) «обладающий тем, что названо мотивирующим словом»: *болонистый* (имеющий толстый слой неотвердевшей древесины под корой): *Не режь, паря, это дерево, оно с болонью, это болонисто дерево* (Ек.-Ник. Окт.). Хаб. (Окт.) [Там же, с. 42];

3) «имеющий свойства того, что названо мотивирующим словом»: *замазулистый* (грязный): *Замазулиста така ты у меня!* (Алб. Скв.). Амур. (Скв.) [Там же, с. 154];

4) «напоминающий своими качествами то вещество, тот предмет, которые обозначены основой»: *коренистый* (имеющий крепкие, разветвленные корни): *Парей коренистый, его трудно полоть даже* (Уш. Шим.). *В огородах он растет, он крепкий, коренистый, синеньким цветет* (Облuch.). Амур. (Шим.). Хаб. (Облuch.) [Там же, с. 202].

В большинстве случаев на эти значения накладывается дополнительная количественная оценка – «обладающий большим количеством того, что названо мотивирующим словом»: *продлинистый* – «обладающий тем, что названо мотивирующим словом» + «более длинный» [Там же, с. 362]; *еланистый* – мотивировано существительным *елань* (ровное открытое безлесное пространство), совмещает значения «характеризующийся отношением к тому, что названо мотивирующим словом» + «имеющий признаки елани в значении степени» [Там же, с. 130].

Наиболее частотны дериваты с суффиксом *-ист-* от диалектных и литературных имен существительных.

2. В классе отглагольных прилагательных с суффиксом *-ист-* можно выделить следующие модели:

Мод. 1. Усеченная основа глагола + суффикс *-ист-*: *сбежистый* ← *сбежаться*; *прогонистый* ← *прогнать*.

Мод. 2. Основа глагола + суффикс *-ист-* с интерференцией (наложением): *колесистый* ← *колесить*, *буянистый* ← *буянить*.

Обе модели соответствуют продуктивным моделям литературного языка; общее значение суффикса в выделенных моделях отглагольных прилагательных – «имеющий склонность к какому-нибудь действию», «характеризующийся действием, названным мотивирующим словом».

Кроме того, в материалах Словаря отмечены единичные примеры прилагательных с данным суффиксом с затемненной производящей основой, а именно с так называемой парадоксальной внутренней формой, которые характеризуются необычностью семантического соотношения мотивированного слова со своим мотиватором:

ПЕРСЯНИСТЫЙ, ая, ое. Маленький. *Мимо нас и гнал своим ходом форзун-трактор. Низенький таки, персянистый* (Алб. Скв.). Амур. (Скв.) [Там же, с. 322].

Можно предположить, что данное прилагательное мотивировано словом *перстикъ* (*перстокъ*) – «мизинец», или *перстовой* – «мерю в длину перста» – с усечением производящей основы. См. у В. И. Даля: *Перстовая рыбка* [4, с. 102]. Кроме того, в Словаре русского языка XI–XVII вв. отмечено слово «персть» – ж., небольшое количество чего-л., горстка, щепотка [14, с. 15]. В Словаре М. Р. Фасмера находим интересную ссылку: «Махек (Recherches 59 и сл.) пытается подкрепить сближение с *персь* — *грудь*» ссылкой на то, что у некоторых народов (напр., у казахов) новорожденным дают сначала сосать безымянный палец, а не грудь; см. также Френкель, IF 54, 282. Махек (там же 65 и сл.) приводит также параллели в виде тождественных названий для пальца и соска груди» [15, с. 244].

ЧЕРВИНИСТЫЙ, ая, ое. Громкий, сильный (о голосе). *Все червинистые голоса в Мунгаловке слышно было* (Черн. Магд.). Амур. (Магд.) [12, с. 493].

В «Русских сказках Забайкалья» встречается прилагательное *червинистый*, но с другим значением: «– А его и след простыл. Приезжат домой, коня отпускают. Всяких грибов – червинистых, всяких – бабам насобирали, нарвал. Лоб залепил, домой прибежал» [9, с. 4]. Судя по контексту, данное прилагательное имеет значение «червивый».

В изучаемом материале полилексия (неоднозначность) данного прилагательного не отмечается, т.к. Словарь не фиксирует ни других значений, ни однокоренных слов.

По поводу деривационной истории прилагательного *червинистый* в значении «громкий, сильный» можно на основе формальной общности корневой морфемы предложить две версии: 1) оно было образовано от слова *червоний* – «красный, алый, ярко-красный» [5, с. 590] с переосмыслением семантики; 2) от *червонный* со значением, закрепленным во фразеологизме *червонное золото*, – «высокопробный сплав золота с медью, применяющийся для изготовления червонцев и других монет» [13, с. 662]. В таком случае, хотя Словарь и не фиксирует употребления данных слов в «неметафоричных» значениях, имеет место метафорическая мотивация,

которая заключается в том, что «переносный смысл возникает в отдельных словах только на уровне мотивированного слова, в его словообразовательной структуре» [7, с. 55-56].

Таким образом, прилагательные *персянистый* и *червинистый*, учитывая вышесказанное, можно отнести к словообразовательным метафорам (термин предлагает С. Б. Козинец [6]), отличающимся способом формирования переносного значения и изменением морфологической структуры слова. В анализируемых примерах наблюдаются морфонологические изменения в производящей основе и образование новой единицы с другим аффиксом. Что касается микроконтекста, который, по мнению автора термина, также отличает словообразовательную метафору от метафоры лексической, то «подсказка» метафорического значения в «словесном окружении» в пределах словарной статьи слова *персянистый* присутствует. Оба слова выполняют образную и экспрессивную функции, обусловленные как семантикой корня, так и словообразовательным формантом.

Такое же метафорическое значение имеет и прилагательное *лопатистый* – «состоятельный, богатый»: *Девка нам попалась лопатистая, богаты родители у ей* (Черн. Магд.). Амур. (Магд.) [12, с. 235].

Активность в говорах суффикса *-ист-* подтверждается также тем, что он используется в отыменных и отглагольных прилагательных вместо следующих суффиксов:

- 1) *-ат-* (с усечением производящей основы): *веснистый/веснушчатый*;
- 2) *-н-*: *заливистый* («покрытый обливкой, поливой, обливной») / *заливной, ложбистый* / *ложбинный*;
- 3) *-ск-*: *идиотистый/идиотский, ухажеристый/ухажерский* (в русском просторечии);
- 4) *-ив-*: *ревнистый/ревнивый*.

Прилагательное *ревнистый* имеет варианты *ревновистый* и *ревновитый*, значение которых в Словаре определяется через слово *ревнистый*: «то же, что ревнистый». В то же время приводимые контексты позволяют выделить дополнительное экспрессивное значение у дериватов с суффиксом *-ист-/овист-*: *Один мужик жену свою зарезал, шибко ревнистый был* (Черн. Магд.). Амур. (Магд.); *Он такой ревновистый был, жене ни на кого нельзя посмотреть, сразу морду бьет* (Алб. Скв.). Амур. (Скв.) [Там же, с. 379-380].

Количественные различия в семантике не отмечаются авторами Словаря и у вариантов *веснушчатый/веснистый/весноватый*: значение деривата *веснистый* определяется через *веснушчатый*, а у *весноватый* – через *веснистый*. Сравнительно небольшой контекст словарных статей не позволяет уточнить различия в семантике данных прилагательных, которые должны быть обусловлены различными суффиксами с присущими им разными значениями: *-оват-* – «оттенок ослабленного качества» / *-ист-* – «обладающий чем-то в большом количестве». Можно предположить, что носителями данной группы говоров указанные различия не ощущаются, иначе говоря, наблюдается десемантизация суффиксальных морфем.

Обратной мены, т.е. замены суффикса *-ист-* другим, практически не отмечено. Нами зафиксирован один случай использования другого суффикса, в частности суффикса *-лив-*, на месте необходимого (по сравнению с литературным языком) суффикса *-ист-*: *душливый/душистый*.

Таким образом, в русских говорах Приамурья суффикс *-ист-* активнее при образовании имен прилагательных; в большинстве случаев маркирует качественно-количественные изменения признака и, тем самым, расширяет систему значений прилагательного; в то же время наличие вариантов качественных прилагательных с данным суффиксом свидетельствует о его десемантизации.

Список литературы

1. Блинова О. И. Морфологически варианты имена прилагательные в среднеобских говорах // Актуальные проблемы лексикологии. Томск, 1971. Ч. 1. С. 93-101.
2. Быкова И. И. Суффиксальное образование прилагательных, функционирующих в говорах Камчатской области // Русские говоры Камчатки. Петр.-Камч.: Изд-во КамГУ, 2006. Вып. 1. С. 5-14.
3. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд-е 2-е. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1981. Т. 3. 555 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1981. Т. 4. 683 с.
6. Козинец С. Б. Словообразовательная метафора: пересечение лексической и словообразовательной систем // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2007. № 2. С. 61-70.
7. Лопатин В. В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975. С. 55-56.
8. Русские говоры Приамурья: коллективная монография / под ред. В. Т. Садченко. Хабаровск: Изд-во ДВГТУ, 2011. 204 с.
9. Русские сказки Забайкалья / подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. П. Зиновьева. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 351 с.
10. Садченко В. Т. К вопросу о вариативности имен прилагательных с суффиксами *-Н-*, *-ОВ-* (*-ЕВ-*), *-СК-* в русских говорах Приамурья: сб. тр. по материалам междунар. науч.-практич. конф. «Межкультурный диалог в пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона». Хабаровск: ТОГУ, 2013. С. 54-60.
11. Словарная картотека Г. С. Новикова-Даурского / подгот. к печати Л. В. Кирпикова, В. В. Пирко, И. А. Стринадко; вступит. ст. и ред. Л. В. Кирпикова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. 199 с.
12. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин, Н. П. Шенкевец. Изд-е 2-е, испр. и доп. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 544 с.
13. Словарь русского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1981. Т. 4. 794 с.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1989. Вып. 15. 288 с.
15. Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1971. Т. 3. 827 с.

ON WORD-FORMATIVE ACTIVITY OF ADJECTIVAL SUFFIXES IN RUSSIAN DIALECTS OF TRANS-AMUR TERRITORY

Sadchenko Valentina Tarasovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Far Eastern State University of Humanities
valentinasadchenko@yandex.ru

The article considers the adjectival suffixes of the Russian language in terms of their productivity. The patterns of adjectives with the suffix *-ucm-* are revealed and described on practically non-studied in word-formative aspect dialectal material – the Russian dialects of the Trans-Amur territory. The increased word-formative activity of the suffix in the dialects is mentioned in comparison with literary language.

Key words and phrases: adjectival derivatives; productivity; word-formative pattern; suffixes of adjectives; desemantization; Russian dialects.

УДК 821.111(73)

Филологические науки

В статье рассматриваются компоненты различных жанров в романе Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» с целью определения соотношения романа с массовой литературой. В ходе анализа выявляются жанровые особенности, характеризующие роман как образец массовой литературы. Одновременно выделяются черты жанров, свидетельствующие о литературе высокой. В заключение содержится обоснование наличия жанровых особенностей как массовой, так и высокой видов литературы, рассматривается их соотношение.

Ключевые слова и фразы: жанры; политический триллер; психологический детектив; любовный роман; научная фантастика; притча; антиутопия.

Салимова Камила Наилловна

Казанский (Приволжский) федеральный университет
kamila88@yandex.ru

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА АЙН РЭНД «АТЛАНТ РАСПРАВИЛ ПЛЕЧИ» В КОНТЕКСТЕ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ[©]

«Атлант расправил плечи» – третий, последний и самый значимый роман американской писательницы Айн Рэнд (1905-1982 гг.), урожденной Алисы Розенбаум, нашей соотечественницы по рождению. Роман выражает основные положения философии Айн Рэнд, названной ею объективизмом и приобрел большое количество последователей среди сторонников свободной экономики самого разного ранга [4]. Изданный в 1957 году, роман получил широкое читательское признание, однако литературной критикой был встречен, в целом, враждебно. Читательский интерес к роману оставался неизменным на протяжении всей его истории; в стане критиков также периодически появлялись положительные отклики. Однако наибольшее количество почитателей роман приобрел в кризисные 2000-е годы, когда его тематика приобрела особую актуальность. В эти же годы романы Айн Рэнд появились на российском книжном рынке в разделе *fiction*, ассоциирующимся обычно с продукцией массовой литературы. В связи с этим, целью данной статьи является рассмотрение романа «Атлант расправил плечи» в контексте массовой литературы через призму его жанровой организации. Данная цель предполагает решение следующих задач: 1) в рамках жанровой организации романа выявить компоненты жанров массовой и высокой литератур; 2) проанализировать соотношение жанровых компонентов массовой и высокой литератур; 3) обосновать превалирование отдельных жанровых компонентов над другими.

Если исходить из известной точки зрения, что главным критерием идентификации данного вида литературы является ее популярность у читателей, в то время как качество ее исполнения – вопрос вторичный [5, р. 99], то принадлежность романа к данному виду литературы бесспорна. В опросе, проведенном Библиотекой Конгресса США среди членов клуба «Книга месяца» в 1991 году, роман Рэнд уступает только Библии [4].

При детальном рассмотрении в романе прослеживаются и другие, более конкретные характеристики массовой литературы. С особой очевидностью они проступают в жанровых особенностях произведения.

Согласно Л. Гудкову, жанрами массовой литературы, начиная со второй четверти XIX в., являются мелодрама и авантюрный (в том числе авантюрно-исторический) роман; уголовный (полицейский) роман или, позднее, детектив; научная (*science-fiction*) и не-научная (*fantasy*) фантастика; вестерн и любовный (дамский, женский, розовый) роман; фото- и кинороманы [1]. Классификация В. А. Кухаренко отличается лишь большей степенью систематизации: она выделяет три основных жанра массовой литературы: *suspense* (роман – напряжение), *romance* (любовный), *fantasy* (фантастика) с последующим делением на поджанры, которые охватывают практически все вышеназванные [2]. Такое единообразие в определении жанров массовой литературы позволяет использовать его в качестве исходного.